

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА: ПРИРОДА И СОДЕРЖАНИЕ

Статья продолжает серию публикаций, посвященных исследованию криминалистической характеристики личности преступника. Дается системная оценка содержательной стороны, достигнутых результатов криминалистически значимой информации о личности преступника.

Криминалистическая характеристика преступления, выступая центральным понятием криминалистической методики расследования преступлений, является чрезвычайно сложным познавательным феноменом. В криминалистической науке в содержание криминалистической характеристики преступления принято включать довольно значительное количество элементов, что могло бы быть целесообразным, если бы эти элементы не совпадали в целом или частично по своей природе и логическому объему. Например, традиционно выделяемый элемент криминалистической характеристики преступления «личность преступника» является системой субэлементов «мотивация преступления», «мотив преступления» и «способ совершения преступления», которые в отечественной криминалистической науке иногда выделяют как самостоятельные элементы криминалистической характеристики преступления. Без сомнения, деление элементов, включаемых в содержание криминалистической характеристики преступления, на основные и производные можно провести по достаточно большому количеству оснований. Однако, учитывая прикладной аспект криминалистической характеристики преступления как познавательной модели (рассмотренный отдельно от иных аспектов), целесообразно использовать выделение элементов, основанием которого будет выступать доминантная природа адаптированного знания тех или иных наук (естественного или гуманитарного плана). Дело здесь не только в том, что элементы криминалистической характеристики преступления «взвешенные и измеренные» при помощи методов конкретной науки будут более доступны для применения в процессе расследования и раскрытия преступлений. Используя указанное основание, мы реализуем принцип преемственности научного знания, характерный для всех его направлений.

Криминалистическая характеристика включает в себя два основных элемента, познание которых принципиально различается по совокупности используемых методов и адаптируемого знания. Первый элемент – это объективные реалии, в которых происходит событие преступления, речь идет об обстановке преступления. Данный элемент криминалистической характеристики преступления целесообразно изучать, используя знания физики и химии. Как уже отмечалось ранее, проведение исследований, в которых используются физические и химические методы в криминалистической методике расследования преступлений, скорее, является редким исключением, чем правилом.

Второй элемент криминалистической характеристики преступления – это субъект, трансформирующий объективные реалии под собственные нужды, – личность преступника. Данный элемент целесообразно изучать, адаптируя методы наук о человеке, и прежде всего, методы психологической науки как имеющей наиболее

значительный по объему «арсенал» методик исследования человека вообще и его поведения в частности.

Утверждения о природе системности криминалистической характеристики преступления обуславливают взаимозависимость объективных реалий преступления и субъекта, их трансформирующих. На данный момент наука не может определить, какой из этих элементов является производным от другого, поэтому оба эти элемента необходимо считать базовыми. Дискуссия о свободе-детерминизме как определяющем факторе функционирования личности имеет давнюю историю и в настоящее время далека от завершения. Отметим, что идея взаимозависимости обстановки преступления и лица, его совершающего, не освобождает от необходимости исследователя разграничения этих элементов. Данное разграничение, в том числе, определяет ситуации, в которых, на первый взгляд, подэлементы, относящиеся к обстановке преступления, необходимо включать в характеристику личности преступника и наоборот. Остановимся на описании данных ситуаций.

Само понятие личности преступника выводит нас на то, что в данный элемент включаются образования, возникновение и генезис которых определяются наличием сознания (сознательного и бессознательного уровня), т.е. того субстрата, который позволяет воспринимать человека как активного субъекта, трансформирующего реальность. Структуры же психики, которые реагируют по принципу «стимул-реакция», на наш взгляд, целесообразнее относить к обстановке преступления и изучать иными методами. К подобным структурам мы можем относить угнетенность психики вследствие интоксикации, черепно-мозговой травмы, возможно, неблагоприятные последствия радиационного поражения или слишком неблагоприятного геомагнитного воздействия, а также некоторые другие. Так, тренированный человек может неосознанно среагировать на безобидный жест незнакомца и нанести ему калечащий удар, не обдумывая, а действуя на уровне рефлексов. Исследования подобных случаев нерационально проводить психологическими методами, так как сфера сознания была «выключена». Подобная реакция подлечит исследованию в прямой связке со стимулом, т.е. элементом объективной реальности. Жертва преступления тоже может быть исследована в рамках изучения и личности преступника (при наличии неприязненных отношений, наличии образа врага, в чем-то адекватного личности жертвы), и обстановки преступления (погибший случайный прохожий при перестрелке в многолюдном месте) как элементов криминалистической характеристики преступления.

Вполне возможно, что обстановка совершения преступления является комплексным понятием, куда следует включать следующие элементы (естественно, представленные не в полном объеме):

- модификаторы преступного поведения человека на гормональном уровне;
- модификаторы преступного поведения человека на рефлекторном уровне;
- модификаторы, инициирующие инстинктивные формы реагирования человека;
- обстоятельства, инициирующие специфические паллиативные образования, наподобие R-комплекса;
- иные субстративные и морфологические характеристики личности преступника.

Анализ подобных обстоятельств способствует определению степени воздействия средовых факторов на личность преступника, что способствует реконструкции личности преступника по следам преступления.

Криминалистические характеристики обстановки преступления и личности преступника в комплексе формируют то уникальное образование, которое получило название «криминалистическая характеристика преступления». Относительная самостоятельность этих элементов позволяет акцентировать внимание исследователя на каждом из них в отдельности, и только детальное их исследование порознь позволит впоследствии синтезировать полученные данные в научную категорию, необходимость существования которой не будет подвергаться столь широкому сомнению. Однако повторимся: предваряя подобный синтез, целесообразно исследовать каждый из выделенных элементов криминалистической характеристики преступления отдельно.

Изучение обстановки преступления как научного понятия следует проводить комплексно представителями различных наук, исследование же личности преступника в основном требует привлечения и последующей адаптации психологических знаний. Данное обстоятельство, а также наше видение личности преступника как центрального элемента, формирующего феномен преступления, обусловило постановку акцента исследований именно на субъекте, доминантно трансформирующем объективные реалии в процессе события преступления.

На приоритет исследования личности преступника в рамках криминалистической характеристики преступления указывалось многими отечественными криминалистами, и, пожалуй, следует признать, что на данный момент это мнение является в принципе доминирующим [1. С. 13; 2. С. 221-222]. Отметим, что подобный приоритет характерен не только для структурирования элементов криминалистической характеристики преступления, но и для осмысления более масштабных логических криминалистических понятий - преступной и следственной деятельности.

Развитие научного знания характеризуется непрерывным взаимодействием двух антагонистических процессов - дифференциации (выделение новых научных дисциплин) и интеграции (синтез знания, объединение ряда наук в большинстве случаев в дисциплины, находящиеся на их «стыке»). На одних этапах развития научного знания доминантным становится процесс дифференциации (прежде всего это характерно для периода возникновения и первичного генезиса науки в целом и отдельных наук), на других - доминирует процесс интеграции, что характерно для наук современности.

Парадигма целостности научного знания, развившаяся в феномене мультидисциплинарности (слиянии

наук), является закономерностью развития научного знания современного этапа. В.И. Вернадский писал, что в XX в. «впервые сливаются в единое целое все до сих пор шедшие в малой зависимости друг от друга, а иногда вполне независимо, течения духовного творчества человека» [3. С. 150].

Идея о том, что объективный процесс интеграции научного знания обогащает прежде всего науку заимствующую, нашла отражение и в криминалистической науке XX в. О целесообразности подобной идеи один из первых отечественных криминалистов И.Н. Якимов в 1925 г. писал: «В настоящее время уже не ставится вопрос о том, какие методы наиболее научны и плодотворны, чисто ли криминалистические или психологические. Все это способствовало развитию криминалистики, углублению, усовершенствованию ее научных методов» [4. С. 9]. Скажем больше, исходя из интегрирующей природы криминалистики, мы безусловно согласны с тем, что интеграция знаний иных наук есть одна из основных задач криминалистики.

Следует отметить, что интеграция психологического знания (поскольку объектом исследования является личность преступника), - процесс достаточно сложный, допускающий возможность квазиинтеграции, которая, усложняя понятийный аппарат криминалистической науки, не решает ей присущие задачи. Мы выделили две основные формы квазиинтеграции, характеризующиеся:

- нецелевым заимствованием психологического знания;
- механическим заимствованием психологического знания.

Нецелевое заимствование психологического знания в криминалистической науке детерминируется неясением природы криминалистического исследования личности преступника и того комплекса задач, который вытекает из этой природы. Личность преступника является предметом изучения криминалистической науки в двух аспектах, которые могут быть выражены следующими вопросами:

- Как наиболее эффективным способом воздействовать на личность преступника?
- Как по результатам преступной деятельности человека, выраженным в следовой картине преступления, можно предполагать наличие в его сознании тех или иных характерных, индивидуализирующих структур, знание которых оптимизирует процесс розыска данного лица?

Отметим, что если решить вопрос о свойственности криминалистике пропедевтической функции (что на данный момент является несколько спорным) положительно, то возможен третий аспект исследования личности преступника в криминалистике, который, однако, выходит за рамки данной работы.

Решение вопроса об эффективности психологического воздействия является для криминалистической тактики востребованным и состоит из трех стадий.

Стадия 1. Заимствование психологического знания о природе манипуляции над человеческой психикой в целом. Подобное заимствование целесообразно провести из конфликтологии. Не стоит придавать термину «манипуляция» негативный оттенок: усилие, направленное на восстановление в памяти добросовестного свидетеля события преступления, по своей природе также является манипулятивным.

Стадия 2. Заимствование из психологии манипулятивных приемов, направленных на определенную совокупность людей. Приемы психотипирования (выделение различных психологических групп, характеризующихся схожими психологическими чертами) являются содержанием процесса адаптации на данной стадии.

Стадия 3. Учитывая сильные и слабые характеристики психики конкретного человека, необходимо заимствование алгоритмов манипулирования отдельным человеком, что может быть обеспечено активным приспособлением достижений такого направления психологии, как психоанализ.

Решение вопроса об установлении поисковых характеристик преступника в процессе анализа следовой картины преступления нуждается в адаптации психологических знаний несколько иной природы. Феномен деятельности, характеризующий причинно-следственные связи следообразования в системе «личность преступника - следы преступления», может быть исследован в рамках бихевиористского (поведенческого) и психоаналитического (глубинного) подхода с обязательным привлечением диспозициональных (раскрывающих вопросы структуры личности) теорий.

Механическое заимствование психологического знания происходит из отождествления личности в целом и личности преступника. Признание объективности подобной тождественности неотвратно наводит на мысль, что все люди являются потенциальными преступниками, а право - регулятор общественных отношений — образно соответствует сторожевой собаке в стаде баранов. Механический перенос наблюдается в случае использования неадаптированных психологических (прежде всего, конечно же, тестовых) методик в процессе криминалистического исследования личности преступника. Подавляющее большинство тестов не апробировалось на лицах, совершающих преступления, поэтому их использование целесообразно только в комплексе с проективными методиками.

Вопросу надлежащей интеграции психологического знания, ее ценности и целесообразности мы уделили столь значительное место вследствие глубокой убежденности, что личность преступника (в том числе и в криминалистическом аспекте) может быть определена только через психологические конструкции. Криминалистическое изучение личности преступника отличается от психологического не методами (хотя здесь имеется своя специфика), не терминологическим массивом (целесообразно использовать уже существующие термины, нежели плодить новые сущности), не объектом (так как объект общий), но криминалистически значимыми задачами исследования.

Криминалистическая характеристика преступления состоит из двух элементов-подсистем: криминалистическая характеристика личности преступника и криминалистическая характеристика обстановки преступления. Отметим, что недостатком использования термина «характеристика» в конструировании понятия «криминалистическая характеристика преступления» является его некоторая содержательная аморфность и отсутствие изначальной идеи структурирования криминалистически значимой информации на базе единого системообразующего конгломерата. Однако научное знание может существовать, только если реализуется принцип преемственности, в том

числе и понятийного аппарата. Уважая криминалистические традиции более чем полувековой давности, мы решили при пояснении понятия «криминалистическая характеристика преступления» использовать термин «характеристика», оговаривая его системную природу.

Утверждая то, что необходимым условием «точной деятельности судебного следователя является основное знание человека как главного материала предварительного следствия» [5. С. 42—43], основатель криминалистической науки еще в XIX в. изложил свое понимание криминалистически значимой составляющей личности преступника, положенное в основу методики расследования, делающей акцент на понимание взаимосвязи между следами преступления и личностью преступника. Главная идея методики заключается в том, что, опираясь на исторические, культурные, социальные и в меньшей степени иные аспекты жизнедеятельности отдельной группы лиц (цыган), Г. Гросс моделирует их психологический профиль. Здесь цыганам приписывался набор специфических психологических свойств, таких как патологическая трусливость, гипертрофированная осторожность, неблагодарность, мстительность, жестокость, высокая степень коллективизма, лень.

Истинность выводов Г. Гросса относительно психологии цыган и изучения приемов и способов, применяемых им при анализе их жизнедеятельности в вышеперечисленных аспектах, лежат за пределами этой работы. Нами используется сама идея подхода без какой-либо увязки ее с той или иной национальной принадлежностью преступника, хотя национальная принадлежность при раскрытии преступлений, в принципе, не может быть отброшена совершенно.

Представляется рациональным заметить, что если термин «трусость» неприятен для исследователя, то мы вполне обоснованно можем заменить его термином «осторожность», что по большому счету положения не изменит.

Однако следует заметить, что отмеченные детали не имеют решающего значения, и главное заключается в моменте, который для многих исследователей остался незаметным. Имеется в виду методологический аспект, сам факт вычленения особого комплекса психических личностных характеристик, включающего в себя психологические свойства личности преступника, в значительной степени (а может быть, и приоритетно) определяющих матрицу его поведения, в том числе преступного. Подобное сочетание, назовем его генерализованным комплексом, и есть тот «психологический маркер», с помощью которого возможно идентифицировать лицо, совершившее преступление, так как в силу своей личностной значимости генерализованный комплекс всегда находит свое отображение вовне, в том числе и в процессе совершения преступлений.

Идея о целесообразности выделения характерных психологических свойств, принадлежащих определенной совокупности лиц, совершающих преступления и имеющих высокую степень вероятности отражения в следах преступления, не опровергнута ни отечественной, ни зарубежной криминалистической наукой до сих пор, следовательно, на данный момент может считаться как минимум не ложной.

Принципиально важным является стремление Г. Гросса детализировать основание типологической класси-

фикации преступников и в процессе построения принципиально новой методики расследования преступлений исходить из данных оснований. Исследование, направленное на детализацию оснований классификации, позволяет широко использовать базовые достижения смежных наук, в то время как акцент на исследование классифицируемых групп может привести к ориентированию преимущественно на статистические данные, ценность которых резко изменяется с изменением объема и качества выборки.

Следует отметить еще один момент, характерный для работ Г. Гросса. В основном сочинении основателя криминалистической науки акцент ставится не столько на наличие определенного психологического свойства, характерного для той или иной социальной группы (криминологический аспект), сколько на специфику (степень и особенности) его проявления в следах преступления (криминалистический аспект). Позже мы будем говорить о феномене психологической «унификации» членов социума, характерной для постиндустриального общества, здесь же отметим, что схема Г. Гросса содержит рекомендации для решения проблемы, характерной скорее для конца XX в.

Сомнения в наличие прямой взаимосвязи между признаками события и поисковыми признаками лица, совершившего преступление в рамках криминалистической характеристики преступления [6. С. 57], привели отечественных исследователей к признанию идеи необходимости конструирования нового понятия, которое, реализуя (в той, или иной степени) задачи, свойственные криминалистической характеристике преступления, базировалось бы уже на существующих результатах научного поиска в области систематизации криминалистически значимой информации, но было бы подвержено меньшей критике.

Проблема переноса в рамках криминалистической характеристики преступлений исследовательского акцента на элементы психики, отобразившихся в материальных следах преступления, как нами отмечалось, ранее уже ставилась. Предпринимались попытки дать определение и психолого-криминалистической характеристики преступления [7. С. 185-187], и криминалистической характеристики личности обвиняемого [8. С. 36-72]. Вместе с тем нам не известны попытки постановки данного вопроса, когда бы на теоретическо-методологическом уровне раскрывалось содержание взаимосвязи между следами преступления и личностью преступника, на необходимость чего указывали еще пионеры российской криминалистики [2. С. 9].

В ранних работах мы использовали термин «психолого-криминалистическая характеристика личности преступника» [9. С. 3-11], под которым понимался комплекс психических свойств, характеризующих личность преступника и отразившихся в следах преступления в процессе подготовки и совершения преступления, сокрытия следов преступления и постпреступного поведения данного субъекта. Составной частью термина «психолого-криминалистическая характеристика личности преступника» был элемент «психолого-», целесообразность которого нам виделась по причине того, что, рассматривая личность, мы подвергаем анализу ее психику, которая в полном объеме является предметом психологической науки.

Можно утверждать, что психология изучает личность как целостное образование, остальные же науки о человеке изучают не личность как таковую, а определенные сферы реализации ее личностных качеств. Другими словами, элемент «психолого-» ориентируется на те качества психологической науки, которые сделали ее базовой в познании природы человека, такие, как универсальность, всеобъемлемость, эмпирическая состоятельность. Сейчас мы решили отказаться от использования термина «психолого-криминалистическая характеристика личности преступника» по следующим причинам:

- Систематизация данных о личности преступника в криминалистическом аспекте должна проводиться для решения достаточно значительного спектра криминалистически значимых задач, не ограничиваясь задачей установления личности преступника по результатам анализа следов преступной деятельности. Ограничение круга задач тоже может быть результатом исследования природы понятия, в котором систематизируется информация о личности преступника. Однако это наиболее простой способ, использование которого может привести к гипертрофированному росту понятийного аппарата криминалистической науки. Указанное обстоятельство послужило первой причиной отказа от первоначального понимания содержания криминалистической характеристики личности преступника.

- Психологическая составляющая личности преступника, без сомнения, доминантна и выводит, напрямую детерминируя, почти на все свойства личности преступника, за исключением явно биологических свойств (например, группу крови). Когда психологическая наука получит ответ на вопрос, в какой мере психика и сознание личности детерминирована генотипическими особенностями индивидуума, возможно будет говорить о детерминанте фактора психики и сознания всех характеристик (психологических, социальных, биологических), свойственных личности (в том числе и личности преступника). До этого момента нерационально определять сложную природу субъекта преступной деятельности исключительно психологическими составляющими. Возможно только, что такое определение может быть целесообразным, если оговаривать специфику структуры такого сложного образования, как личность преступника.

- Выделение в структуре личности преступника только психологических свойств несколько спорно, поэтому нуждается в дополнительной аргументации, целесообразность применения которой в рамках самого определения видится не совсем правильной. Природу криминалистически значимых психологических образований логичнее рассматривать не в самом определении психолого-криминалистической характеристики личности преступника, а при анализе ее составляющих структурных элементов.

Учитывая вышесказанное, мы посчитали целесообразной замену термина «психолого-криминалистическая характеристика личности преступника» на термин «криминалистическая характеристика личности преступника» и соответственно скорректировать содержание понятия «психолого-криминалистическая характеристика преступления» в сторону его системности и увеличения объема феноменов, составляющих его содержание.

Как говорилось ранее, нельзя сказать, что исследования относительно содержания криминалистической характеристики личности преступника не велись прежде. Так, например, В.К. Гавло выдвинул идею необходимости разработки понятия «психолого-криминалистическая характеристика преступления», понимая под последней динамическую систему относительно устойчивых количественных и качественных признаков деятельности субъекта преступления, отражающих его психологические свойства, состояния и процессы по подготовке, сокрытию и противодействию в ходе раскрытия и расследования преступления [7. С. 185-187]. По сути, здесь мы наблюдаем попытку переосмыслить природу криминалистической характеристики преступления, вводя альтернативное понятие, преследующее прежде всего более эффективное решение задачи установления личности неизвестного преступника. Возможно, это перспективное направление исследования, однако, по нашему мнению, нет особой необходимости в создании терминов, близких по содержанию к криминалистической характеристике преступления, если речь не идет о понятиях, включаемых в содержание криминалистической характеристики преступления как структурных элементов последней. Однако повторимся, вероятность создания в определенной степени альтернативного понятийного аппарата для систематизации криминалистически значимой информации является отличным от нашего способом оптимизации криминалистической характеристики преступления как научной категории.

Полагаем, что направление научного поиска в области повышения ценности криминалистической характеристики преступления как научной категории лежит в сфере детализации исследования структурных элементов криминалистической характеристики преступления как относительно самостоятельных объектов исследования. Рациональным видится соблюдение унифицированности раскрытия природы в определении криминалистической характеристики преступления и криминалистических характеристик ее структурных элементов.

Соглашаясь с определением криминалистической характеристики преступления как системы данных о преступлении, способствующих раскрытию и расследованию преступления, мы достигаем следующих целей:

- даем компактную и несложную формулировку криминалистической характеристики преступления, о необходимости чего уже говорилось в отечественной криминалистической науке [10. С. 65]. Этим достигается четкость понятий;
- оставляем открытой проблему целесообразности включения тех или иных данных, составляющих систему криминалистической характеристики преступления. Открытость формулировок предполагает непрекращающийся поиск новых блоков криминалистически значимой информации, способствующих достижению целей применения данной категории;
- отсутствие четко оговоренных задач в понятии криминалистической характеристики преступления позволяет проводить исследование криминалистической характеристики преступления не только в рамках методики расследования отдельных видов преступлений, но и в рамках криминалистической тактики, а может быть, даже и в рамках криминалистической техники,

хотя последнее, конечно же, маловероятно. Следует заметить, что тактический аспект криминалистической характеристики преступления если и освещается в литературе, то достаточно редко, и преимущественно носит ярко выраженный подчиненный, по отношению к методике расследования преступлений, характер. Своеобразная «сквозная» природа криминалистической характеристики преступления позволяет соединять результаты исследований в различных разделах криминалистической науки;

- указание на системность, присутствующую в данном определении, задает алгоритм исследований криминалистической характеристики преступления, что предполагает единую (или сильно схожую) в гносеологическом плане последовательность раскрытия природы этого научного понятия.

Являясь структурным элементом криминалистической характеристики преступления, криминалистическая характеристика личности преступника в понятийном плане должна соотноситься с криминалистической характеристикой преступления как частное и общее, что, еще раз повторимся, обеспечит преемственность в научных исследованиях. Отметим, что в связи с сильной информационной изолированностью научных учреждений (это касается прежде всего социальных наук), которая наблюдается сегодня, ввиду автономности научного познания как следствие признания доминанты свобод человека (в том числе свободы научного творчества) идея преемственности в научных исследованиях не всегда признается, что не может не настораживать. В свое время это отметил Р.С. Белкин [11. С. 81-91]. И хотя его критику некоторых новых криминалистических направлений мы не разделяем, нельзя не признать, что мэтр отечественной криминалистики совершенно правильно отмечал рассматриваемую тенденцию. Возможно, в связи с экономической стабилизацией в нашей стране эта тенденция в научных исследованиях себя изживет.

Исходя из вышесказанного, мы определяем криминалистическую характеристику личности преступника как систему данных о лице, совершившем преступление, способствующих раскрытию и расследованию последнего. Рассмотрим более детально элементы, составляющие понятие криминалистической характеристики личности преступника.

Фактор природы системности криминалистической характеристики личности преступника. Заявленная системная природа криминалистической характеристики личности преступника может быть реализована при соблюдении ряда условий.

Условие 1. Содержание начального этапа систематизации включает в себя вычленение комплекса задач, ради которых систематизации и проводятся. Задачи, или, точнее, результат их решения, являются своеобразным «индикатором» целесообразности существования понятий, подлежащих систематизации. Ввиду важности данного этапа мы посчитали целесообразным рассмотреть его отдельно.

Условие 2. Систематизация подразумевает выделение ряда элементов, содержание которых напрямую не определяется друг через друга. Реализация подобного условия достаточно сложна. Личность (в том числе личность преступника) - понятие многогранное и раз-

ноплановое, поэтому достаточно сложно выявить в ней структурные блоки, абсолютно не зависящие друг от друга, однако если оговорить объем и характеристику подобной независимости, то проблема в значительной степени перестает существовать.

Понимание природы данных о лице, совершившем преступление (преступнике) позволит оптимизировать исследования криминалистической характеристики личности преступника. Данные о личности преступника, входящие в рассматриваемую научную категорию, должны обладать следующими свойствами:

- высокая степень индивидуальности;
- относительная устойчивость;
- некорректируемость;
- фиксируемость и измеряемость;
- удобство классификации.

Высокая степень индивидуальности данных о личности преступника определяется как возможность личностной или групповой идентификации лица, совершившего преступление, которое проистекает из присутствия только этому лицу (или группе лиц) характерных признаков. Так, уникальность дактилоскопического узора, сетчатки глаз, формы ушей и т.п. позволяют индивидуализировать их носителя. Проблема заключается в том, что все указанные особенности лица легко подлежат сокрытию, а иногда даже маскировке. Именно рост интеллектуального потенциала (либо степени информированности о способах расследования) представителей преступного сообщества привел к необходимости поиска новых индивидуализирующих преступника характеристик. Подобными характеристиками и выступают ряд психологических образований, имеющих антропоскопическую ценность. Без сомнения, идентификационный аспект этих образований менее ценен, однако отметим, что меньшая ценность - это сравнительная категория, и в данном случае соотносится она с абсолютной идентификационной возможностью биологических параметров человека (например, идентификация личности по ее ДНК), о которых говорилось ранее.

Дедуктивные умозаключения в отношении наблюдаемых лиц, которые демонстрировал литературный герой А. Конан Дойля, в наше время потеряли бы свою абсолютную категоричность. Процессы стратификации (разделение членов общества на относительно уникальные группы), наблюдаемые в современном мире, в значительной степени стерли грани между представителями различных социальных образований, однако никакие стратификационные процессы не способны ослабить психотипологические особенности человека, которые также позволяют индивидуализировать личность. В завершение отметим, что, несмотря на социальное нивелирование, психологические особенности лица являются той совокупностью данных, которая делает возможной индивидуальную или групповую идентификацию личности (первое, естественно, в меньшей степени).

Данные о личности преступника, включаемые в криминалистическую характеристику личности преступника, должны обладать свойством относительной устойчивости. Как известно, одной из форм существования и проявления «психического» в любой личности является его выражение в жизни и деятельности данной личности.

Биологический генезис сознания в процессе эволюции детерминировался факторами изменчивости среды [12. С. 182-189]. Действительно, мобильность психики позволяет адаптироваться индивидууму к новым обстоятельствам, получая жизненный опыт, однако существование в мире возможно только если действие адаптационного механизма человека не является постоянным в обыденной жизни, обратное чревато расстройствами психики. Именно исходя из необходимости нашей психики находиться в состоянии стабильности, отсутствия потребности в постоянной адаптации в структуре сознания существуют стабильные психические образования, отвечающие требованию экономии энергии.

Природа человека дуалистична. В ней есть структуры, отвечающие за адаптацию, есть и структуры, ответственные за выработку типичных форм реагирования. Ко вторым следует отнести прежде всего: характер, направленность личности, интеллектуальный, эмоциональный и волевой потенциал, психотипологические реакции, склонности, привычки, психоролевые установки. Указанные структурные элементы сознания в очень незначительной степени подлежат возможности волевой коррекции. Условия жизненной реальности часто подавляют их, переводя на уровень бессознательного, но полноценные трансформации здесь являются достаточно нераспространенным явлением. Исключением из этого правила, без сомнения, являются лица, находящиеся в стадии первичного психического роста (от рождения до семи-восьми лет). Подводя итог вышесказанному, определим природу относительной устойчивости данных о личности преступника как обусловленную особенностью эволюционного и стабильного развития психических компонентов, подлежащих коррекции, только на уровне моделей поведения, а не их детерминант.

Третьим обязательным условием, определяющим возможность включения данных о личности преступника в криминалистическую характеристику личности преступника является их некорректируемость. Современные представления о личности базируются на гуманистической доктрине познания. Доктринальное видение исследуемого объекта не следует путать с принципом преемственности, характерным для научного миропонимания. Доктринальные положения реализуют не столько базовые аксиомы научного направления, сколько социальный заказ общества на «комфортную» идеологию. В представлениях о личности доктринальные проявления выражаются в идее автономности личности, гипертрофированной вере в доминанту свободы воли человека в целом и конкретной личности в конкретный момент времени в частности.

Мы не отрицаем наличия автономности у человека, однако, на наш взгляд, следует признавать автономность не как априорное качество, а как способность человека в определенный момент времени повысить или понизить свой волевой потенциал для достижения определенной цели. Различия между пониманием природы автономности как качества и свойства личности проявляются в вероятности к адаптивности для конкретного человека, возникновения желания детально контролировать ситуацию.

Основной смысл идеи автономности человеческого существования можно выразить так: «человек способен

всегда корректировать сознательные действия, но человек делает подобное достаточно редко». Само существование в сознании человека и в его деятельностном отражении таких явлений, как динамический стереотип, установки (половые, корпоративные, религиозные и т.д.), ролевые модели поведения, образы позитивного и негативного, говорит о том, что наша сознательная деятельность не предполагает наличия постоянного волевого контроля в процессе человеческой жизнедеятельности. Психологические автоматизмы, перечисленные выше, способны подлежать волевому контролю, но в силу «энергосберегающего» режима подобное не происходит, потому что эти автоматизмы и являются по своему генезису реакцией на отсутствие необходимости сознательного волевого контроля над той или иной разновидностью психической деятельности.

Вследствие волевого контроля проявление психологических автоматизмов в реализации различных операций, эффективность и продуктивность человеческой деятельности резко падают, что можно считать индивидуализирующими личность преступника факторами; кроме того, это может быть зафиксировано субъектом, производящим исследование (в нашем случае - расследование).

В завершение отметим, что некорректируемость данных о личности преступника как свойств, определяющих принадлежность к системе криминалистической характеристики личности преступника, обусловлена природой человека автоматизировать ряд проявлений своей сознательной сферы деятельности для повышения эффективности психической жизнедеятельности.

Четвертым обязательным условием, определяющим возможность включения данных о личности преступника в криминалистическую характеристику личности преступника, выступает их фиксируемость и измеряемость. Криминалистический аспект исследования личности преступника предполагает вычленение только таких составляющих последней, которые обладают свойством отображения, предполагающим их последующую фиксируемость. Исходя из этого, заимствование и адаптация психологических знаний для достижения криминалистически значимых задач должно ориентироваться исключительно на теорию, подлежащую эмпирической проверке. Соответственно, «архетипические образования» К.Г. Юнга, концепция самоактуализации А. Маслоу и подобные теоретические построения, без радикальной, происходящей в рамках криминалистики содержательной трансформации, направленной на решение криминалистических задач, на данном этапе развития научного знания о человеке использоваться не могут. Требования к измеряемости данных проистекает из необходимости последующей обработки с привлечением математического аппарата в целях поиска корреляции между различными криминалистически значимыми данными о личности преступника. Нет необходимости разработки в криминалистической науке алгоритмов измерения данных о личности преступника, так как подобное разработано в психодиагностической науке, точнее, в ее разделе - тестологии. На первоначальном этапе исследования личности преступника в криминалистике можно воспользоваться психологическими тестами, однако в силу специфики выборки, на которой они базируются (а следовательно, фактора пониженной точности такого специфического образования, как личность преступника), в ближайшем будущем

исследователям-криминалистам целесообразно будет создать криминалистические тесты либо значительно адаптировать те, которые существуют в современной психологической науке.

Свойство данных, включаемых в криминалистическую характеристику личности преступника, которое мы определили как удобство классификации, вероятно, является наиболее дискуссионным. Без сомнения, исходя из системной природы криминалистической характеристики личности преступника, выделенные блоки данных о последней подлежат сведению в некую общность. Сама идея классификации криминалистически значимых элементов личности преступника не может подлежать сомнению. Каково же содержание термина «удобство классификации»? Создание модели сложного феномена всегда происходит для решения конкретной задачи, точнее, учета сферы использования данной модели. Теоретическая модель охватывает все особенности исследуемого феномена, поэтому она априори обладает некоторой абстрактностью, общностью причинно-следственных связей либо компонентов, ее составляющих. Прикладная модель реализует функцию применения, поэтому она всегда конкретна, но в прикладной модели отражаются только значимые для применителя элементы и происходит игнорирование элементов феномена незначимых или малозначимых. Удобство классификации данных предполагает возможность таковой или для теоретической, или для прикладной модели.

Наличие всех указанных свойств, характерных для личности преступника, является, по нашему мнению, основанием для их исследования в рамках криминалистической характеристики личности преступника. Видится целесообразным возможное вероятное увеличение количества подобных обязательных условий, но никак не их уменьшение.

Третий составной элемент криминалистической характеристики личности преступника как системы данных о личности лица, совершившего преступление, способствующих раскрытию и расследованию преступления, - это непосредственно способствование достижению цели криминалистики, т.е. раскрытию и расследованию преступлений. Относимость данных о личности преступника к криминалистической материи определяется возможностью последних решать криминалистически значимые задачи. К числу криминалистически значимых задач, реализации которых способствует разработка понятия «криминалистическая характеристика личности преступника», мы относим:

- задачу по оптимизации тактического воздействия на лицо, совершившее преступление (тактический аспект);
- задачу по установлению неизвестного лица, совершившего преступное деяние (поисковый аспект);
- задачу по аккумулярованию результатов исследования в целях оптимизации разработки методик расследования отдельных видов преступлений, совершенных специфической группой лиц (методический аспект);
- задачу по предупреждению совершения преступлений, основанную на системном анализе криминалистически значимых составляющих личности преступника (профилактический аспект).

Обосновывая значение прикладного характера криминалистической характеристики личности преступни-

ка, мы привели ряд теоретических аргументов, которые выводят нас на реализуемость, конкретность, структурность рассматриваемого понятия. Исследования личности преступника в криминалистической науке

детерминируют появление нового понятийного массива. Представляется, что одно из основных мест в нем будет занимать понятие криминалистической характеристики преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водерников Н. Т. Личность обвиняемого в советском уголовном судопроизводстве. Автореф. дис. ... док. юрид. наук. М., 1980.
2. Хоменко А.Н. Связь личности преступника, как элемента криминалистической характеристики преступления, с другими ее элементами // Актуальные вопросы правоправедения в период совершенствования социалистического общества. Томск: Изд-во ТГУ, 1989.
3. Вернадский В.И. О Науке. Т. 1: Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Дубна, 1997.
4. Якимов И.Н. Руководство по уголовной технике и тактике. М.: Изд-во НКВД, 1925.
5. Гросс Г. Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции. Смоленск, 1895. Вып. 1.
6. Падар Е.Е. О перспективах прогноза «психологического профиля» преступника на основании анализа способа действия при совершении преступления // Современное российское право: федеральные и региональные измерения: Материалы конференции. Барнаул: Изд-во АТУ, 1990.
7. Гавло В.К. К вопросу о разработке психолого-криминалистической характеристики преступлений // Актуальные проблемы правоправедения в современный период. Томск: Изд-во ТГУ, 1996.
8. Кривошеий И.Т. Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.
9. Ахмедшин Р.Я. Понятие и сущность психолого-криминалистической характеристики личности преступника // Личность преступника и преступная мотивация: Сб. статей. Томск: Изд-во НТЛ, 1999.
10. Лузгин И.М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоправедение. 1977. № 2.
11. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА, 2001.
12. Медиони Ж., Вайс Ж. Передача по наследству поведенческих признаков // Генетика и наследственность: Сб. статей. М.: Мир, 1987.

Статья представлена кафедрой криминалистики Юридического института Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Юридические науки» 8 апреля 2004 г.